

This document is an unofficial translation automatically generated by OnlineDocTranslator (<https://www.onlinedoctranslator.com/en/>) and may not reflect the original material or the views of the source. This unofficial translation is uploaded by the European Human Rights Advocacy Centre (https://ehrac.org.uk/en_gb/) for informational purposes only.

ОТЧЕТНЫЙ ZLR

ДЖЕСТИНА МУКОКО против ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА

ВЕРХОВНЫЙ СУД ЗИМБАБВЕ
CHIDYAUSIKU CJ, MALABA DCJ, SANDURA JA,
ЗИЯМБИ ДЖА И ГАРВЕ ДЖА
ХАРАРЕ, 25 ИЮНЯ 2009 ГОДА И 20 МАРТА 2012 ГОДА

Джей Гаунтлетт СК, с ним г-жа Б. Мтетва, от заявителя

Миссис Ф. Максвелл, от имени ответчика

МАЛАБА DCJ:

ВВЕДЕНИЕ

Это дело касается бессрочного приостановления уголовного преследования из-за пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, которым заявитель подвергался со стороны сотрудников органов государственной безопасности до того, как он был доставлен в суд по уголовному обвинению. Джестина Мукоко (далее именуемая («заявительница»)) предстала перед мировым судьей магистратского суда Роттен-Роу в Хараре 14 января 2009 г. по делу «Мануэль Чинанзвана и Эйт Орс» № 8801-5/08. Ей было предъявлено обвинение в нарушение статьи 24(а) Закона об уголовном праве (кодификация и реформа) [глава 9:23] (далее именуемого «Закон»). Утверждалось, что в июне и июле 2008 г.

Кандидат утверждала в магистратском суде, что она была похищена из дома и подвергнута пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению со стороны сотрудников органов государственной безопасности. Она обратилась к

мировому судье с просьбой передать вопрос о нарушении ее основных прав в Верховный суд («Суд»).

Для обоснования запроса использовались два основания. Во-первых, возбуждение уголовного дела было признано недействительным из-за жестокого обращения, которому был подвергнут заявитель до предъявления обвинения. Утверждалось, что способ, которым она была задержана агентами государственной безопасности и с которой обращались в заключении до того, как предстать перед судом по обвинению, представляет собой нарушение основных прав не подвергаться произвольному лишению личной свободы, гарантированных статьей 13(1) и не подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, защищенному статьей 15 (1) Конституции. Аргумент состоял в том, что неоспоримое поведение сотрудников органов государственной безопасности, похитивших заявительницу из места ее жительства и подвергших ее пыткам, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение во время содержания под стражей сделало возбуждение уголовного дела злоупотреблением процессуальными правами. Утверждалось также, что поведение агентов государственной безопасности оскорбило смысл того, что судебная власть ожидает от сотрудников правоохранительных органов в качестве достойного поведения при обращении с лицами, находящимися под их стражей. Утверждалось, что Суд был обязан отказать в возбуждении уголовного дела в данных обстоятельствах.

Второе основание заключалось в том, что решения прокурора о привлечении заявителя к уголовной ответственности и возбуждении уголовного дела основывались исключительно на информации или доказательствах преступления, полученных от нее путем применения пыток, бесчеловечного и унижающего

достоинство обращения. Утверждалось, что возбуждение уголовного дела было признано недействительным в связи с использованием недопустимых сведений или доказательств. Предполагалось, что статья 15(1) Конституции содержит правило, запрещающее допуск или использование в ходе судебного разбирательства государственными должностными лицами, ответственными за возбуждение и осуществление уголовного преследования, и судебными работниками информации или доказательств преступления, полученных от обвиняемого или любого третьего лица путем применения пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Утверждалось, что опора на информацию или доказательства преступления, полученные от заявителя или третьего лица с помощью пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, является нарушением правила исключения и незаконна. Он также привлек к ответственности государство за нарушение статьи 13 (1) Конституции. Следствием довода было то, что решение об обвинении заявительницы в совершении уголовного преступления и возбуждение уголовного дела не основывались на разумном подозрении в совершении ею уголовного преступления. Таким образом, уголовное преследование не было санкционировано статьей 13(2)(e) Конституции.

Судья счел, что постановка вопроса о нарушении основных прав заявителя не была легкомысленной или досадной. Он передал вопрос в суд для решения. В качестве средства защиты, которого добивался заявитель, был приказ о постоянном приостановлении уголовного преследования.

ПРИКАЗ СУДА

28 сентября 2009 г., после ознакомившись с протокольными документами и выслушав доводы адвокатов заявителя и ответчика, Суд вынес следующее постановление:

«Суд единогласно приходит к выводу, что государство через своих агентов нарушило конституционные права заявителя, защищаемые в соответствии со статьями 13(1), 15(1) и 18(1) Конституции Зимбабве, в той степени, в которой заявитель имел право на постоянное отбывание уголовной ответственности. уголовное преследование в связи с указанными нарушениями.

Соответственно, было приказано окончательно приостановить уголовное преследование заявителя в связи с фактами, изложенными в ходе разбирательства в магистратском суде Хараре по делу State v Manuel Chinanzvavana & Eight или № 8801-5/08.

Причины этого приказа будут представлены в установленном порядке. Вопрос о расходах на рассмотрение заявки будет рассмотрен в судебном решении».

ФАКТЫ

Объясняются причины приказа. Факты, на основании которых решение вопроса о нарушении основных прав, упомянутых в приказе, было основано на устных показаниях, данных заявителем в магистратском суде. Они также были переданы через показания под присягой, данные ею под присягой 12 января 2009 г., а также через доводы, представленные Суду адвокатом от имени заявителя. Достоверность показаний, полученных указанными средствами и методами, ответчиком не оспаривалась.

Доказательства налицо разрешающий эффект. 3 декабря 2008 г. в 5 часов утра заявительница лежала в постели в семейном доме в Нортоне. В доме находились ее сын, племянник и сотрудник. Сын пришел в спальню и сказал, что у ворот в помещение стоят люди, которые хотят с ней поговорить. Она проснулась только в ночной рубашке. Сын вернулся, сказав, что он понял, что эти люди были сотрудниками полиции. В одной ночной рубашке она прошла на кухню, где встретила семерых мужчин и одну женщину в штатском. Они заявили, что являются сотрудниками полиции, но не предъявили

удостоверения личности, подтверждающие, что они сотрудники полиции. Двое мужчин заняли позиции по обе стороны от заявителя. Каждый из них взял ее за руку и подвел к автомобилю Mazda Familia, припаркованному у ворот. В машине был еще один мужчина.

Плликант попросила у похитителей разрешения вернуться в дом и одеться как следует. Вместо этого ее втолкнули на заднее сиденье автомобиля. Ей приказали лечь на заднее сиденье между двумя мужчинами, положив лицо на колени одному из них. Мужчина, на колени которого она была вынуждена положить лицо, держал на бедрах пистолет. На полу машины перед задним сиденьем лежало еще одно огнестрельное оружие. Джерси использовали, чтобы завязать ей глаза. Она едва могла дышать, так как майка давит ей на нос. Когда она пожаловалась на удушье, натяжение майки немного ослабло. Она сказала, что в ужасе от того, что с ней происходит.

Автомобиль ехал около 40 минут, прежде чем был остановлен в секретном месте. Во время поездки было включено автомобильное радио, издававшее очень громкий звук. Она была выведена из машины в комнату, где ей сказали сесть на стул. Женщина дала ей платье, которое, по ее словам, она неохотно надела вместо ночной рубашки.

Через 30 минут после прибытия в секретное место заявителя отвели в другую комнату и велели сесть на пол, вытянув ноги вперед. Когда с глаз сняли повязку, ее начали допрашивать шесть мужчин и одна женщина. Ей сказали согласиться стать государственным свидетелем по расследуемому делу или быть убитой. Ее попросили назвать имя бывшего полицейского, который приезжал к ней на работу в поисках финансовой помощи для выезда за границу. Вопросы были направлены на то, чтобы получить от нее информацию о том, что она использовала средства своей организации,

чтобы позволить бывшему офицеру полиции выехать за пределы страны и пройти военную подготовку по вопросам повстанческого движения и терроризма.

Заявительница сказала, когда она сказала следователям, что не может вспомнить имя бывшего сотрудника полиции, который посетил ее офис в 2008 году, одного из мен взял кусок шланга длиной около метра. Другой человек взял свернутый кусок железа. Двое мужчин по очереди несколько раз били ее этими предметами по ступням, применяя серьезную силу. Она сказала, что ее нападавшие были весьма усердны в том, что они делали. Она кричала от боли. Когда первая серия избиений закончилась, женщина надела штаны. Допрос и избиения прекратились во второй половине дня первого дня на тайнике.

Ей завязали глаза и отвели в комнату, где она находилась.содержался в одиночной камере. Повязку с глаз снимали каждый раз, когда она находилась в одиночной камере. Вечером первого дня ее прибытия в секретное место ей завязали глаза и отвели в комнату. Ее заставили сесть на стул. Когда с глаз сняли повязку, она увидела тех же людей, которые допрашивали ее в тот же день. Когда начался допрос, ей приказали поднять обе ноги и поставить ступни на край стола. Она сделала, как приказали. Двое мужчин несколько раз сильно ударили ее по ступням теми же предметами, которыми ее избивали утром. Она сказала, что у нее очень болят ноги. На следующий день она едва могла ходить.

4 декабря 2008 г. заявителя допрашивали утром и днем без побоев. Вечером ей сказали, что, поскольку она не идет на сотрудничество, было принято решение сдать ее.отдали безжалостной группе мужчин и женщин. Ей на голову надели

повязку. Она сказала, что ее охватил страх. Она думала, что ее убьют, когда ее затолкнули в машину и велели лечь лицом вниз на заднее сиденье.

Автомобиль проехал значительное время, прежде чем был остановлен в укромном месте. Снаружи машины слышались шаркающие движения людей. Она думала, что ее похитители готовились казнить ее. Машина резко развернулась и поехала дальше. Похитители спросили о ее рабочем месте. Они утверждали, что она работала на студии «Голос Америки». Она сказала, что сказала им, что работала в «Голосе народа». Машина вернулась в секретное место в 1:00 ночи.

Утром 5 декабря 2008 г. заявитель был доставлен в комнату для допросов. Когда с глаз сняли повязку, она увидела Родрика Такавиру, своего коллегу по работе, в той же комнате. Один из следователей сказал ей:

«Вы все время лгали, Родрик нам все рассказал».

Родрика вывели из комнаты. Один из мужчин принес гравий и положил его на пол, чтобы сформировать насыпи. Ей сказали натянуть платье выше уровня колен и встать на колени на гравий. Допрос начался и продолжался при ней в таком положении. По ее словам, она получила травму коленей и почувствовала сильную боль. Каждый раз, когда она пыталась пошевелить коленями, чтобы облегчить боль, следователи приказывали ей вернуться в исходное положение. В таком положении она оставалась в течение часа.

Заявитель сказал, что следователи хотели, чтобы она сказала, что она помогла Рикардо Хвашени отправиться в Ботсвану для прохождения военной подготовки, чтобы вести повстанческую и террористическую деятельность в стране. Она сказала, что рассказала следователям, что у нее было краткое общение с Рикардо, когда

он посетил их офисы с просьбой о помощи, чтобы покинуть страну. Она сказала следователям, что направила Рикардо к Фиделису Мудиму, который работал в консультационном отделе организации.

На четвертом день ей завязали глаза и отвели в комнату, где ее заставили сесть на стул. Когда с глаз сняли повязку, она увидела девять мужчин и одну женщину, сидящих за столом переговоров. Один из мужчин уже допрашивал ее. Они сказали, что хотели бы узнать больше о Зимбабвийском мирном проекте и имеющихся у него документах о нарушениях прав человека в стране. Они спросили о ее отношениях с Рикардо Хвашени. Она рассказала следователям, что сказала Рикардо, что ее организация не давала денег людям, которые хотели уехать из страны. Они спросили ее, почему она не спросила его, в какую страну он хочет поехать. Когда она сказала, что это не ее дело, допрос стал очень агрессивным.

Заявительница сказала, что мужчины заметно разозлились. Один из них угрожал заставить ее страдать. Он сказал, что они собираются заставить ее испражняться. Трясется от страха и не уверен, выйдет ли она из комнаты невредимой, ей дали бумагу и велели написать заявление. Следователи сказали ей написать о поездке, которую она совершила в Ботсвану. Она сделала, как было сказано. На следующий день ей сказали, что кое-что следователи хотели исключить из показаний. Она убрала из заявления то, что следователи не хотели, и добавила то, что, по их словам, следовало добавить в заявление.

Она сказала, что написала заявление так, как хотели ее следователи, прежде чем подписать его. По ее словам, это неправда, что она направила Рикардо Хвашени к Фиделису Мудиму из консультационной группы. Она сказала, что не делала

заявление свободно и добровольно. В заявлении содержалось то, что ей сказали написать похитители, потому что она считала, что это заставит их освободить ее.

14 декабря 2008 г. заявитель был доставлен в конференц-зал, где находился оператор. Присутствовали мужчины и женщины, допрашивавшие ее. Оператор был представлен ей. Ей сказали, что она должна быть записана на видео во время ее заявления о том, как она познакомилась с Рикардо Хвашени. Было сказано, что на основе этого заявления должно быть принято решение о привлечении ее к уголовной ответственности или о привлечении ее в качестве государственного свидетеля. После того, как она сказала то, что хотели сказать следователи, ей завязали глаза и отвели в комнату, где она содержалась в одиночной камере. Она содержалась в одиночной камере без связи с внешним миром до 22 декабря 2008 года.

22 декабря 2008 г. заявителю завязали глаза и отвезли на машине в компании Родрика Такавиры к месту, где они были переданы полицейскому по имени Магвензи. Полицейский сказал им не снимать повязку до тех пор, пока те, кто ее принес, не уйдут. Она сказала, что когда с глаз сняли повязку, она узнала место, где их оставили похитители, как полицейский участок Брейсайда. Там ее задержали. Позднее полиция получила от магистрата ордер на проведение обыска в ее доме в Нортоне. Ее отвели в дом. Впервые она увидела членов своей семьи. Находясь под стражей похитителей, ей не разрешалось общаться с членами ее семьи или ее адвокатом.

Чтобыск в доме не дал ничего, относящегося к утверждению о том, что она завербовала Рикардо Хвашени для прохождения военной подготовки в целях проведения повстанческой и террористической деятельности в стране. 23 декабря 2008 г. ей было предъявлено обвинение в нарушении статьи 24 (а) Закона.

Факты, на которых тОснование обвинения было получено от заявителя путем допросов в разное время в период содержания под стражей с 3 по 14 декабря 2008 г. На основании информации, на основании которой против заявителя было выдвинуто обвинение, прокурор возбудил уголовное дело. . Затем заявитель был доставлен к мировому судье для содержания под стражей до суда. Прокурор не представил доказательств, опровергающих то, что, по словам заявительницы, происходило с ней с момента ее похищения до момента, когда она предстала перед мировым судьей.

Значение статьи 15(1) Конституции

Первый довод, сделанный от имени заявителя, заключался в том, что обращение к которому она подверглась со стороны агентов государственной безопасности до того, как ей было предъявлено обвинение, представляет собой нарушение статьи 15 (1) Конституции. Статья 15(1) Конституции предусматривает, что:

«(1) Никто не должен подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство наказанию или другому подобному обращению».

В данном случае применимы только понятия «пытка»; «бесчеловечное обращение» и «унижающее достоинство обращение». Они составляют три ключевых элемента защиты достоинства и физической неприкосновенности человека от запрещенного обращения со стороны государственных должностных лиц.

Статья 15(1) Конституции закрепляет одну из самых фундаментальных ценностей демократического общества. *Чахал против Соединенного Королевства* [1996] 23 EHRR 413 para 79. Это абсолютный запрет. Именно из-за важности ценностей, которые он защищает, правила, согласно которым запрет налагает обязательства на государство, имеют императивную силу. Наиболее заметным последствием этого

качества является то, что государство не может отступить от рассматриваемого принципа даже в условиях чрезвычайного положения. (см. статью 25 Конституции).

Обеспечение зависит только от осуществления Парламентом, когда он надлежащим образом сформирован, полномочий в соответствии со статьей 52 Конституции по изменению, дополнению или отмене любого положения Конституции при строгом соблюдении процедуры, установленной для этой цели. Майк Кэмпбелл (Pvt) Ltd против Министерства земель 2008(1) ZLR 17(S).

Это произошло при осуществлении полномочий, предоставленных ему статьей 52 Конституции., что Парламент посредством Закона № 30 от 1990 г. (поправка № 11) и Закона № 9 от 1993 г. (поправка № 13) предусматривает, что шесть конкретных случаев обращения государства с отдельными лицами не должны привлекаться к уголовной ответственности. противоречить статье 15(1) Конституции. К ним относятся: обращение с целью предотвратить побег из-под стражи лица, задержанного на законных основаниях (статья 15(2)); умеренное телесное наказание, примененное к лицу моложе восемнадцати лет его родителем или опекуном или лицом, заменяющим родителей (статья 15(3)(a)); умеренное телесное наказание, примененное к лицу мужского пола в возрасте до восемнадцати лет во исполнение приговора или постановления суда (статья 15(3)(b)); приведение в исполнение смертного приговора в порядке, предусмотренном статьей 315(2) Закона об уголовном процессе и доказывании [гл. 9: 07](статья 15(4)); задержка исполнения смертного приговора (статья 15(5)) и задержка исполнения любого приговора, вынесенного компетентным судом (статья 15(6)).

Качества абсолютности в смысле безоговорочного запрета и недопустимости отступлений формулируют представление о том, что запрет является одним из самых фундаментальных стандартов демократического общества.. Они также

предназначены для обеспечения того, чтобы запрет производил сдерживающий эффект, поскольку он заранее сигнализирует всем государственным должностным лицам и частным лицам о том, что это абсолютная ценность, от которой никто не должен отступать. Тот факт, что пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение запрещены императивным положением, делает недействительным любой акт, санкционирующий такое поведение.

Запрет защищает достоинство и физическую неприкосновенность каждого человека, независимо от его или ее поведения. Никакие исключительные обстоятельства, такие как тяжесть преступления, в совершении которого подозревается лицо, или опасность, которую оно, как предполагается, представляет для национальной безопасности, не могут служить оправданием для применения пыток или бесчеловечных или унижающее достоинство обращение. В нашем обществе не может быть ценности, по поводу которой существует столь четкое согласие, как запрет пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения с лицом, находящимся под стражей у государственного должностного лица. То, что такое обращение никогда не должно являться частью методов расследования преступлений, используемых правоохранительными органами, является подтверждением того принципа, что закон, соблюдение которого является их обязанностью, требует, чтобы к потерпевшим применялось только справедливое и гуманное обращение. лицо, находящееся под следствием.

Существует отчетливый¹⁵⁽¹⁾ Конституции, между пытками, с одной стороны, и бесчеловечным или унижающим достоинство обращением, с другой. Различие между понятием пытки и двумя другими понятиями заключается главным образом в интенсивности физической или психической боли и страданий, причиняемых

в связи с пытками жертве умышленно и с определенной целью. Пытка является отягчающей и преднамеренной формой бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Что представляет собой пытка, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, зависит от обстоятельств каждого дела.

Определение пытки, часто принимаемое судами в качестве минимального стандарта, с помощью которого можно решить вопрос о том, применялись ли пытки. или нет, предусмотрено в соответствии со статьей 1(1) Конвенции Организации Объединенных Наций против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1987 года (далее именуемой «Конвенция ООН против пыток»). Статья 1(1) Конвенции ООН против пыток предусматривает, что:

«...пытка означает любое действие, посредством которого лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или психическое, с такими целями, как получение от него или третьего лица информации или признания, наказание его за действие, совершенное им или третьим лицом. совершил или подозревается в совершении, или запугивания или принуждения его или третьего лица, или по любой причине, основанной на дискриминации любого рода, когда такая боль или страдание причиняются или по подстрекательству, или с согласия или молчаливого согласия должностное лицо или иное лицо, выступающее в официальном качестве. Оно не указывает на боль или страдание, возникающие только в результате законной санкции, присущие ей или сопутствующие ей».

Определение пытки, данное в статье (1)(1), соответствует толкованию Судом в его прецедентном праве понятия, используемого в статье 15(1) Конституции. Важно отметить, что с точки зрения определения пытки должны применяться с целью получения информации или признания. Это зло, на которое направлена Конвенция ООН против пыток.

Бесчеловечным обращением признается обращение, которое при умышленном или преднамеренном применении или причинении лицу причиняет если не телесные повреждения, то, по крайней мере, сильные физические или душевные

страдания лицу, которому оно подвергается, а также вызывает острое психическое расстройство при допросе: *Ирландия - Соединенное Королевство* [1978] 2 EHRR 167, параграф 167.

Унижающее достоинство обращение – это обращение, которое, будучи применено или применено к лицу, унижает или унижает его или ее, проявляя неуважение или умаляя его или ее человеческое достоинство, или вызывает чувство страха, боли или неполноценности, способное сломить моральное и физическое состояние лица. Уместными понятиями в определении унижающего достоинство обращения являются понятия унижения и унижения достоинства. Связанные с этим страдания и унижение должны выходить за рамки неизбежного элемента страдания или унижения, связанного с данной формой законного или справедливого обращения: *Woods v Commissioner of Prisons & Anor* 2003(2) ZLR 421(S) at 432C-B.

Следует из определения соответствующих понятий, что не каждое обращение, которое причиняет определенный дискомфорт лицу, находящемуся под стражей, нарушает статью 15 (1) Конституции. В противном случае никто не может быть арестован, задержан и допрошен при расследовании преступления. Обращение должно достичь минимального уровня жестокости, прежде чем оно станет нарушением абсолютного запрета в соответствии с разделом. Оценка минимального уровня тяжести является относительной. Вопрос о том, был ли достигнут необходимый порог нарушения основного права в конкретном случае, определяется с учетом таких факторов, как характер и контекст обращения; способ и способ его проведения, а также продолжительность обращения, его физические и психические последствия, а в отдельных случаях возраст, пол и состояние здоровья потерпевшего:

ПРИМЕНЕНИЕ РАЗДЕЛА 15(1)

Применение принципов закона о том, что составляет нарушение статьи 15 (1) Конституции. Принимая во внимание факты, Суд находит нарушение Государством через своих представителей основного права заявителя не подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Причины решения таковы.

Неоднократные удары по ступням заявительницы куском шланга и металлическим предметом с применением большой силы в каждом из двух случаев, когда она находилась на допросе, представляют собой пытку. Многократные удары тупым предметом по подошвам ног являются серьезной формой пытки, называемой «фаланга». Амрис К., «Долгосрочные последствия пыток в Фаланге». Пытки Том. 19 № 1 ИРКТ 2009.

Принуждение заявителя стоять на коленях в течение длительного времени на кучах гравия во время допроса, подпадает под понятие пытки. Обращение, которому она подверглась, было преднамеренным. Сильная боль и страдания, которые она была вынуждена терпеть, были причинены намеренно. Это было в помощь допросу, целью которого было получение от нее информации о помощи, которую ее организация подозревала в оказании Рикардо Хвашени, чтобы он мог пройти военную подготовку за пределами страны.

Длительные периоды одиночного заключения без связи с внешним миром в тех случаях, когда ее не допрашивали, представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. S против Маситере 1990(2) ZLR 289(S) на 290F. Однако важно отметить, что одиночное заключение не должно рассматриваться как противоречащее запрету статьи 15(1) Конституции. Оно должно быть в совокупности с другими

условиями, например, пролонгацией и наложением на лицо, еще не судимое за преступление. Тяжесть конкретной меры, ее продолжительность, преследуемые ею цели, совокупный эффект любых дополнительных условий, а также влияние на физическое и психическое благополучие человека,

Было бесчеловечным обращением держать заявителя с завязанными глазами каждый день. время, когда она вышла из одиночной камеры и не подвергалась допросу. Лечение было преднамеренным и причинило заявителю душевные страдания. Она также подверглась бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, когда ей завязали глаза и ночью увезли в неизвестном направлении под угрозой неизвестных действий. Лечение было направлено на то, чтобы вызвать у нее страх и страдание. Она сказала, что опасалась за свою жизнь, когда автомобиль остановили посреди ночи в месте, которое она не могла видеть. Она услышала, как люди шаркают вокруг, словно готовясь казнить ее. Чувства страха и боли, порожденные в ней лечением, должным образом унизили ее.

Целью запрета действий, нарушающих статью 15(1) Конституции, является защита человеческого достоинства и физической неприкосновенности. Любое применение физической силы к лицу, находящемуся под стражей государственного должностного лица, которое не является строго необходимым в связи с его или ее поведением, унижает его или ее достоинство и влечет за собой нарушение запрета.

ПЕРВАЯ ЗЕМЛЯ

Влияние похищения до предъявления обвинения и нарушения статьи 15(1) на уголовное преследование

Основания, на которых испрашивалась помощь, были основаны на решении суда. вывод о том, что заявитель был похищен из дома и подвергся жестокому

обращению в виде пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения со стороны сотрудников органов государственной безопасности до предъявления ему обвинения в совершении уголовного преступления прокурором.

Общий эффект от утверждения, выдвинутое по первому основанию, заключалось в том, что Суд не должен одобрять судебное преследование обвиняемого за уголовное преступление в обстоятельствах, при которых он или она были похищены и подвергнуты пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению со стороны государственных должностных лиц, осуществляющих исполнительную власть, до предъявленному ему или ей обвинению. Аргумент состоял в том, что возбуждение уголовного дела при данных обстоятельствах было бы злоупотреблением судебным процессом.

Вопрос для определения заключается в том, влияет ли жестокое обращение в нарушение статьи 15(1) Конституции до предъявления обвинения потерпевшему на последующие решения о предъявлении обвинения и возбуждении против него или нее уголовного требования статьи 13(2)(e) Конституции были соблюдены или нет.

Решение суда по этому делу в том, что жестокое обращение само по себе не влияет на обоснованность решений о привлечении потерпевшего к уголовной ответственности и возбуждении против него уголовного дела. Именно использование плодов жестокого обращения может повлиять на обоснованность решений в зависимости от соблюдения или несоблюдения прокурором требований допустимого лишения личной свободы в соответствии со статьей 13(2)(e) Конституция. Причины решения таковы.

Требования, которые прокурор должен иметь в виду и соблюдать для принятия законного решения о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности совершение преступления и возбуждение уголовного дела по обвинению предусмотрены статьей 13(1) Конституции. Раздел признает, что каждый человек имеет основное право на личную свободу. Затем он предусматривает защиту права от вмешательства со стороны государства, объявляя, что никто не может быть лишен личной свободы. Признавая принцип, согласно которому право на личную свободу не является абсолютным правом, далее в разделе указываются случаи, отнесенные к исключениям из запрета, в которых допускается лишение личной свободы при строгом соблюдении установленных требований.

Требования допустимых лишений личной свободе в случае лица, подозреваемого в совершении преступления, содержатся в статье 13(2)(e) Конституции. Они представляют собой стандарт, по которому должна оцениваться обоснованность решения прокурора о предъявлении обвиняемому обвинения в совершении уголовного преступления и возбуждении уголовного дела. Следствием запрета произвольного лишения личной свободы является содействие законному аресту или задержанию и судебному преследованию лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Именно лишение личной свободы в связи с процессом уголовного судопроизводства имеет значение для решения поднятых вопросов.

Если такая мера, как уголовное преследование, основана на постановлении о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности, которое соответствует требованиям допустимого лишения личной свободы, это законная мера. Он не может быть предметом постановления о постоянном пребывании на том основании, что обвиняемый был похищен и подвергнут пыткам, бесчеловечному или

унижающему достоинство обращению до предъявления ему обвинения. Жестокое обращение, которому мог бы подвергнуться обвиняемый, имело бы место, когда он или она находились в состоянии законного лишения личной свободы. Обычно оно наносится после того, как лицо было лишено личной свободы путем ареста и содержания под стражей.

Статья 13(1) Конституции предусматривает, что:

- «(1) Никто не может быть лишен личной свободы, за исключением случаев, предусмотренных законом, в любом из случаев, указанных в подразделе (2).
(2) Случаи, указанные в подразделе (1), связаны с тем, что лицо лишено личной свободы, как это может быть разрешено законом –
(a) ...
(б) ...
(с) ...
(г) ...
(е) при обоснованном подозрении в совершении или намерении совершить уголовное преступление».

Раздел 13(4)(b) предусматривает, что:

- «(4) Любое арестованное или задержанное лицо —
(a) ...
(b) При наличии обоснованного подозрения в совершении или подготовке к совершению уголовного преступления;
а тот, кто не освобожден, должен без неоправданной задержки предстать перед судом; и если какое-либо лицо, арестованное или задержанное по разумным подозрениям в том, что оно совершило или собирается совершить уголовное преступление, не предстанет перед судом в разумный срок, то, без ущерба для любого дальнейшего судебного разбирательства, которое может быть возбуждено против него, оно должно быть освобождено либо безоговорочно или на разумных условиях, включая, в частности, такие условия, которые разумно необходимы для обеспечения его явки в более поздний срок для судебного разбирательства или для разбирательства, предшествующего судебному разбирательству».

Несоблюдение требований к вступившему в законную силу постановлению о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности и возбуждению в отношении него уголовного дела влечет за собой нарушение принципа

законности или верховенства права, закрепленного статьей 18(1) Конституция. Принцип законности требует, чтобы каждое решение или действие государственного должностного лица, затрагивающее права или интересы лица, соответствовало действующему закону, в противном случае оно нарушает права заинтересованного лица. Требования в отношении допустимого лишения личной свободы являются частью защиты этого права. Соблюдение требований соответствует принципу верховенства закона. Таким образом, государственный обвинитель и суд не могут действовать произвольно.

Раздел 18(1) предусматривает, что:

«(1) В соответствии с положениями настоящей Конституции каждый человек имеет право на защиту закона.

«(1(a)) Каждый государственный служащий обязан по отношению к любому лицу в Зимбабве выполнять свои функции государственного служащего в соответствии с законом, а также соблюдать и поддерживать верховенство закона».

Положения статей 13(1) и 15(1) Конституции защищают два отдельных, но взаимосвязанных основных права человека. Одно право не является конститутивным для другого. Они естественны и подчиняются требованиям защиты, присущим их природе и сфере деятельности. Это означает, что права могут нарушаться независимо друг от друга. Применение к обвиняемому пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения затрагивает его достоинство и физическую неприкосновенность. Само по себе это не влияет на его уголовную ответственность. Другое право защищает человека от произвольного ареста, задержания и судебного преследования со стороны представителей государства. Одно и то же лицо может быть жертвой жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов и в то же время быть злодеем, совершившим уголовное преступление против другого лица. Применимость той или иной конституционной нормы должна зависеть от причин,

по которым она была включена в Конституцию, и от пороков, которые она призвана устранить.

Наличие обоснованных подозрений в отношении обвиняемого в совершении уголовного преступления, в совершении которого он или она обвиняется и преследуется, имеет решающее значение для определения обоснованности решений о предъявлении ему или ей обвинения в совершении уголовного преступления и возбуждении уголовного дела по этому обвинению. . Обвинение является официальным актом, посредством которого компетентный орган уведомляет о подозрении обвиняемого в совершении уголовного преступления. В деле *General Attorney v Blumears & Anor* 1991(1) ZLR 118(s) AT 122A-B GUBBAY CJ сказал:

«Стандартом лишения личной свободы в соответствии со статьей 13(2)(е) Конституции являются факты и обстоятельства, достаточные для того, чтобы благоразумный человек заподозрил, что обвиняемый совершил или собирался совершить уголовное преступление. Этот стандарт представляет собой необходимое согласование между основным правом человека на защиту его личной свободы и обязанностью государства бороться с преступностью».

Именно наличие или отсутствие обоснованных подозрений обвиняемого в совершении инкриминируемого ему уголовного преступления дает ответ на вопрос, является ли жестокое обращение с обвиняемым до предъявления обвинения не имело никакого отношения к возбуждению уголовного дела. Целью возбуждения уголовного дела в отношении обвиняемого по обоснованному подозрению в совершении инкриминируемого ему уголовного правонарушения является доказывание обстоятельств его вины. Это также должно привести в действие закон, который запрещает поведение, в котором он или она обвиняется, как преступление. Решение об обвинении обвиняемого в совершении уголовного преступления и судебном преследовании за преступление будет основываться на доказательствах действий, в совершении которых он или она подозревается до того, как он или она подверглись

жестокому обращению со стороны сотрудников правоохранительных органов. Обвинение будет напрямую связано с преступлением.

Если каждый раз, когда обвиняемый подвергался пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению до предъявления обвинения в совершении уголовного преступления, Суд был обязан издать постановление о постоянном приостановлении уголовного преследования, требования допустимого лишения личной свободы, которые составляют критерий обоснованности постановления прокурора о возбуждении уголовного дела в отношении обвиняемого будет сведен к пустым словам. Это подразумевало бы принцип законности, который требует от Суда поддерживать поведение, соответствующее закону.

Наличие процедуры в соответствии со статьей 13(2)(е) Конституции означает, что в случае, если уголовное преследование соответствует всем требованиям допустимого лишения обвиняемого свободы, оно не может быть оспорено, несмотря на то, что обвиняемый был похищен и подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению до того, как ему или ей было предъявлено обвинение. Статья 24(4) Конституции предоставляет средства правовой защиты лицу, чье основное право было нарушено. При данных обстоятельствах право на личную свободу в отношении обвиняемого не было бы нарушено возбуждением уголовного дела. Незаконный арест или содержание под стражей без каких-либо дополнительных мер никогда не рассматривались как препятствие для последующего судебного преследования за правонарушение, в совершении которого разумно подозревается обвиняемый на основании неопровержимых доказательств.

Это не означает, что у обвиняемого нет средств правовой защиты от нарушения основных прав до предъявления обвинения. Похищение человека является уголовным преступлением. Компенсация в соответствии со статьей 13(5) Конституции выплачивается лицу, незаконно арестованному или задержанному. Это также подходящее средство правовой защиты для исправления нарушения основного права, доступного Суду при осуществлении широких дискреционных полномочий в соответствии со статьей 24 (4) Конституции.

Вывод о том, что решение государственного обвинителя о предъявлении обвиняемому лица обвинения в совершении уголовного преступления было основано на обоснованных подозрениях в совершении им или ею преступления, фактически означает, что уголовное преследование является законным. Это означает наличие доказательств, на основании которых в судебном заседании будет основываться доказательство совершения деяний, определяемых как преступление, в котором обвиняемому обвиняемому лицу. Это также означает, что неправомерное жестокое обращение с обвиняемым до предъявления обвинения в совершении уголовного преступления не имело никакого отношения к решениям о возбуждении и проведении уголовного преследования. S против Харингтона 1988(2) ZLR 344(S); Бланшар и Орс против министра юстиции, 1999(2) ZLR 24(S); Мтембу против штата, 2008 SCA 51, п. 35.

С точки зрения закона и фактов ясно, что при наличии разумных подозрений в соучастии лица, совершившее уголовное преступление, существовало в то время, когда прокурор предъявил ему или ей обвинение в совершении данного преступления и возбудил уголовное преследование, уголовное преследование должно считаться возбужденным надлежащим образом, независимо от того факта, что

обвиняемое лицо подвергалось уголовному преследованию. пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение до предъявления ему или ей обвинения. Обвинение и уголовное преследование будут результатом рассмотрения прокурором доказательств совершения обвиняемым предполагаемых правонарушений.

в т нет ничего Конституция, которая требует, чтобы суд разрешал обвиняемому, обоснованно подозреваемому в совершении уголовного преступления и должным образом обвиненному, избежать судебного преследования, поскольку он или она подвергались пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению до предъявления ему или ей обвинения. Конституция не гарантирует защиту от судебного преследования обвиняемому лицу, обоснованно подозреваемому в совершении уголовного преступления, в связи с тем, что он подвергался пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению до предъявления ему или ей обвинения. Реализация предложения, выдвинутого от имени заявителя, нарушила бы конституционный принцип соразмерности.

Действовать способом, предложенным заявителем, означало бы, что целью уголовного права является защита интересов лица, подозреваемого в совершении преступления, за счет потерпевшего и общества. Это было бы равносильно предоставлению гарантии иммунитета от судебного преследования лицу, разумно подозреваемому в совершении уголовного преступления, в каждом случае, в котором представлены доказательства того, что оно было похищено и подвергнуто пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению со стороны сотрудников правоохранительных органов. Государство до предъявления обвинения в совершении уголовного преступления. Жертвы преступления будут лишены права на защиту закона.

Справедливость, однако, требует, чтобы каждому мужчине и женщине было воздано по заслугам за их поведение.

Это также означало бы, что один человек, попавший в руки сотрудников правоохранительных органов, решивших нарушить закон и жестоко с ним избейт судебного преследования, а другой человек, попавший в руки законопослушных сотрудников правоохранительных органов, - нет. И это несмотря на то, что они оба обоснованно подозревались в совершении уголовных преступлений, в которых их обвиняли. Каждый знал бы, что его или ее действие было преступным. Он или она совершили бы акт до того, как были бы помещены под стражу агентов правоохранительных органов.

Там, где нет прямого подключения между результатами пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, которым был подвергнут обвиняемый, и возбуждением уголовного дела, основания для вынесения постановления о постоянном приостановлении уголовного дела не могут быть найдены в жестоком обращении с подсудимым до обвинения обвиняемый человек. Если бы приказ был издан, это было бы основано на том, что не было разумных подозрений в том, что обвиняемый совершил преступление, в котором он или она обвиняются.

Настаивая на первом основании в Суде, г-н Гаунтлетт ссылаясь на решение Апелляционного отдела Южной Африки по делу *S v Ebrahim* 1991(2) SA 553(A). Необходимо кратко рассмотреть обстоятельства, при которых было принято решение, чтобы увидеть, применимы ли принципы, на которые опирались в этом случае, к фактам этого дела.

Заявитель, гражданин Южной Африки по рождению, бежал в Свазиленд, находясь под действием ограничительного судебного приказа, согласно которому он находился в Пайнтауне в Натале. В декабре 1986 года он был насильственно похищен из своего дома в Мбабанае лицами, выступавшими в качестве агентов южноафриканского государства. Его доставили в Южную Африку и передали полиции. Полиция задержала его с точки зрения законодательства о безопасности. Впоследствии его обвинили в государственной измене, признали виновным и приговорили к двадцати годам каторжных работ.

Перед тем, как подать заявление об обвинении, заявитель подал заявление о том, что суд не обладает юрисдикцией судить его. Утверждалось, что его похищение было нарушением международного права и, следовательно, незаконным. Заявление было отклонено. Обжалование постановления удалось.

STEYN JA провел проверку римских и римско-голландских властей по вопросу об отсутствии у суда юрисдикции. Ученый апелляционный судья пришел к выводу о том, что в соответствии с обеими системами перемещение лица из района юрисдикции, в котором оно было незаконно арестовано, в другой район считается равносильным похищению. Суд постановил, что в общем праве существовала норма, ограничивающая юрисдикцию суда в уголовных делах. Это правило сводилось к тому, что даже если преступление было совершено в пределах юрисдикции суда, он не обладает юрисдикцией судить преступника, если он был похищен из другой области юрисдикции агентами государства.

Заглавное примечание к решению показывает, что суд продолжил на стр. 582C-E следующим образом:

«Эти нормы (римско-голландского права) подразумевают несколько фундаментальных правовых принципов, а именно: сохранение и поощрение прав человека, хорошие международные отношения и надежное отправление правосудия. Человек должен быть защищен от незаконного задержания и похищения, границы юрисдикции не должны нарушаться, государственный суверенитет должен уважаться, судебный процесс должен быть справедливым по отношению к тем, кого он затрагивает, и следует избегать злоупотребления судебным процессом. в целях защиты и поощрения достоинства и честности при отпращивании правосудия. Государство также связано этим. Когда государство само является стороной в деле, как, например, в уголовных делах, оно должно как бы прийти в суд «с чистыми руками». Когда государство само вовлечено в похищение через территориальные границы, как и в данном случае, его руки не чисты. Правила, подобные упомянутым, являются свидетельством надежной правовой разработки высокого качества».

Суд в *Эбрахимадело* одобрено решением Федерального апелляционного суда второго округа в Соединенных Штатах против Тосканино 500F 2d 267 (1974). Заявитель, гражданин Италии, протестовал против того, что агенты правительства Соединенных Штатов похитили его из Уругвая и доставили в Бразилию, где он содержался под стражей и подвергался пыткам. Оттуда его самолетом доставили в США. Он был арестован и предан суду по обвинению в заговоре с целью ввоза наркотиков в страну.

Суд первой инстанции следовал преобладающим судебным властям на интерповторение принципа надлежащей правовой процедуры и его применение в таких случаях. Судебная политика того времени была представлена решениями Верховного суда Соединенных Штатов по делам Кер против Иллинойса (1886 г.) 119US 436 и Фрисби против Коллинза (1952 г.) 342 US519. В этих решениях указывалось, что, когда обвиняемый доставляется в суд по надлежащему обвинению, он или она находится под стражей суда на законных основаниях, и поэтому суд не имеет права выяснять средства или методы, используемые для обеспечения его или ее присутствия перед судом. суд.

Постановив, что концепция надлежащей правовой процедуры в соответствии с Четвертой поправкой к Конституции Соединенных Штатов была широко истолкована и как таковая оправдывает расследование судом обстоятельств, при которых обвиняемый предстал перед судом, Федеральный апелляционный суд отошел от линии обязательных решений Верховного суда США. *ВСША против Альварена – Макейн*(1992) 119 лед. 2nd 441, что суд подтвердил свои предыдущие решения большинством голосов, тем самым фактически отменив решение по делу Тосканино.

Рассуждение в *Эбрахима* Дело было одобрено Судом в деле *S v Beahan* 1991(2) ZLR 98(S) как имеющее «качество соответствия справедливости, справедливости и здравому смыслу». Эти принципы применялись в последующих подобных ситуациях в Южной Африке; в деле *Мохаммед против президента Южно-Африканской Республики и Орс* 2001(3) SA 893(CC).

Те же принципы были приняты и применены судами Соединенного Королевства в аналогичных делах обвиняемых, которые были насильственно похищены с территорий суверенных государств агентами безопасности принимающего государства, в некоторых случаях при попустительстве прокуратуры, в деле *R v Horseferry Road Magistrates* (1994) 1AC 42; *P против Маллена* [2000] QB 520; и *R v Loosely* [2001] UKHL 53.

Нет сомнений в том, что аргумент, выдвинутый Судом, был мотивирован принципами, заявлено в деле *Эбрагима*. Из дел ясно, что рассматриваемые принципы послужили основой для ответа защиты на обвинение, предъявленное обвиняемому, в том, что суд не обладает юрисдикцией судить его. Причина, указанная в каждом из дел, заключалась в том, что появление обвиняемого в суде было вызвано его насильственным выдворением агентами принимающего государства с территории другого суверенного

государства в нарушение международного права и суверенитета этого государства. .
Обвиняемый в момент похищения находился бы под защитой законов государства, в котором он проживал. Он оказался бы за пределами территориальной юрисдикции суда.

Дела просто признали давний принцип международного Согласно национальному закону, похищение одним государством лиц, находящихся на территории другого государства, нарушает территориальный суверенитет второго государства. Нарушение международного права в данных обстоятельствах обычно устраняется возвращением похищенного лица.

Принципы, изложенные в *Эбрахимадело* и те, что последовали за ним, применялись при решении вопроса об отсутствии юрисдикции, поскольку суды признали, что принципы составляют часть смысла применимых международных норм. Они не являются основанием для оспаривания обоснованности решений прокурора о привлечении лица, проживающего в зоне юрисдикции суда, к уголовному преступлению, которое он подсуден.

Принципы не являются ответом на вопрос, может ли суд, в обязанности которого входит защита основных прав человека, отказать в юрисдикции в случае, когда обвиняемый жалуется на нарушение его или ее основных прав в результате возбуждения уголовного дела. после того, как он был похищен и подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению со стороны представителей государства в пределах юрисдикции суда. Они не применяются к обстоятельствам дела, при рассмотрении которого необходимо учитывать наличие или отсутствие у прокурора обоснованных подозрений в отношении обвиняемого в совершении уголовного преступления, в совершении которого ему инкриминируется.

Принципы, изложенные в *Эбрахимадело* не может быть перенесено и применено к обстоятельствам дела, не порождающим для определения вопросов о нарушении границ уголовно-правовой подсудности. При решении вопросов, поднятых фактами данного дела, применяются разные принципы. Коктейль из принципов соответствующего международного права должен был быть нарушен принимающим государством, прежде чем последующее уголовное преследование можно было бы признать злоупотреблением процессуальными правами и нарушением принципов защиты и поощрения достоинства и добросовестность отправления правосудия. Коктейль включает в себя принципы сохранения и продвижения права человека на личную свободу; защита лиц от незаконного задержания и похищения; защита границ территориальной юрисдикции и защита суверенитета иностранного государства. Излишне говорить, что последние два принципа не являются частью права, применимого к фактам данного дела.

Аналогия была неуместна. Насильственное похищение обвиняемого лица с иностранной территории агентами принимающего государства влечет за собой лишение судов юрисдикции, поскольку оно влечет за собой нарушение суверенитета государства убежища. Акт ареста человека является актом суверенитета. В таком случае эта власть осуществлялась бы одним государством на территории другого государства. Исходя из дел о похищении иностранцами, положение о том, что в каждом случае, когда обвиняемый подвергался пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению до предъявления обвинения в совершении преступления, Суд обязан распорядиться о постоянном приостановлении уголовного преследования, было остроумный аргумент, который был бесполезен в решении вопросов. Для выполнения конституционного мандата по обеспечению или обеспечению соблюдения основных

прав человека и свобод, закрепленных в конституции, Суд должен осуществлять прямо возложенные на него полномочия. Его обязанность состоит в том, чтобы решить вопрос о том, противоречит ли поведение государства, являющегося предметом жалобы, основному праву или свободе, которые должны быть обеспечены. Он должен дать утвердительный или отрицательный ответ на этот вопрос после рассмотрения всех обстоятельств дела.

В данных обстоятельствах немыслимо, чтобы Суд мог ограничить осуществление власти и не расследовать, каким образом было обеспечено присутствие обвиняемого перед ней. Он должен выяснить, состоит ли утверждение в том, что поведение государственных служащих, участвовавших в доставке обвиняемого, нарушило его или ее основное право. Единственный случай, когда Суд может отказаться от осуществления своих полномочий в соответствии со статьей 24 (4) Конституции, - это если он удостоверится в том, что адекватные средства правовой защиты от предполагаемого нарушения имеются или были доступны лицу в соответствии с другими положениями Конституции. или по любому другому закону.

Аргумент о том, что уголовное преследование после незаконного ареста, содержания под стражей и применения пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения представляет собой злоупотребление процессуальными полномочиями, требующее приостановления судебного разбирательства, должен противоречить требованиям статьи 13(2)(e) Конституции и показать основные права или свободы, гарантированные Конституцией, которые были нарушены институтом уголовного преследования в данных обстоятельствах. В данном случае нет необходимости рассматривать аргумент.

ВТОРОЕ ОСНОВАНИЕ

Влияние похищения до предъявления обвинения и нарушения статьи 15(1) на уголовное преследование

Второе основание, по которому действительность Решение о возбуждении уголовного дела было обжаловано в том, что уголовное преследование было незаконным, поскольку основывалось на информации или доказательствах, полученных от заявителя путем применения пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.

Вподнятие вопроса о неправомерном поведении государственных служащих до предъявления обвинения обвиняемому и его связи с возбужденным уголовным преследованием было предположением о том, что государство несет ответственность за нарушение основных прав обвиняемого право на личную свободу. В таком случае должны были быть представлены четкие доказательства прямой связи между предшествующим нарушением основного права обвиняемого не подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и решением о предъявлении ему обвинения и судебном преследовании. Необходимо было показать, что возбуждение уголовного дела было прямым следствием прецедентного противоправного поведения государства.

По мнению заявительницы, использование прокурором информации, полученной от нее путем применения обращения, запрещенного статьей 15(1) Конституции, свидетельствует о наличии необходимой прямой связи между предшествующим нарушением основного права и уголовное преследование. Уголовное преследование явилось следствием или плодом пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, которым она подвергалась.

Спор продвинулся наот имени заявителя по второму основанию было основано на толковании положений статьи 15(1) Конституции, которые признают, что запрет содержит правило, в соответствии с которым он налагает обязательство на государственных служащих, на которых возложена обязанность инициировать и осуществляющие уголовное преследование и председательствующие в них судебные приставы, не допускать и не использовать информацию или доказательства, полученные от обвиняемого или любого третьего лица с помощью пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Тривопросы возникают в этом контексте для определения. К ним относятся: (i) содержит ли статья 15(1) Конституции правило, запрещающее допуск или использование в любом судебном разбирательстве информации или доказательств, полученных от обвиняемого или подсудимого или любой третьей стороны путем применения пыток, или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. (ii) На ком лежит бремя доказывания существенных элементов правила и каков стандарт для выполнения бремени. (iii) Какое влияние делает вывод о том, что бремя было снято с вопроса о нарушении основных прав обвиняемого лица, защищенных в соответствии со статьей 13(1); 15(1) и 18(1) Конституции.

Статья 15(1) Конституции и доказательства, полученные под пытками

Суд принимает первый пункт для определения. Его решение по этому вопросу состоит в том, что статья 15(1) Конституции содержит правило, которым она налагает на государство, через своих агентов, обязательство не допускать и не использовать в любом судебном разбирательстве информацию или доказательства, полученные от обвиняемого или подсудимого или любого третьего лица с помощью

пытков или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Причины решения таковы.

Статья 15 Конвенции ООН против пыток требует от государств-участников обеспечить, чтобы «любое заявление, которое, как установлено, было сделано в результате применения пыток, не использовалось в качестве доказательства в любом судебном разбирательстве, кроме как против лица, обвиняемого в применении пыток, в качестве доказательства того, что заявление был сделан». Статья 15 Руководящих принципов Африканской комиссии, касающихся прав на справедливое судебное разбирательство и правовую помощь в Африке, и статья 16 Руководящих принципов, касающихся роли прокуроров, принятых Восьмым Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Гаване, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 г. имеют важное значение. Они признают существование обязанности прокуроров не использовать и не полагаться на информацию или доказательства, полученные от обвиняемого или любой третьей стороны с помощью пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, при принятии решений при осуществлении прокурорских полномочий.

Актуальность ссылки на положения статьи 15 Конвенции ООН против пыток не связана с существом обязательства, налагаемого на государства-участники. Это связано с принципом толкования. Важное значение для решения вопроса, рассматриваемого Судом, имеет признание и принятие того принципа, что нормы статьи 15 Конвенции ООН против пыток и Руководящие принципы ООН, касающиеся роли прокуроров, основаны на толковании статьи 5 Всеобщая декларация прав человека (1948 г.). Статья 5 запрещает применение пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в отношении любого лица в абсолютной и не допускающей отступлений форме.

Руководящие принципы Африканской комиссии в отношении правовой помощи основаны на толковании соответствующих положений Африканской хартии прав человека и народов (1981 г.). Статья 5 Африканской хартии запрещает пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение или наказание любого лица. Принцип толкования, который возникает, заключается в том, что тот факт, что отдельная норма использовалась для обозначения значения основного положения, не мешает суду толковать значение основного положения на аналогичном языке как охватывающее вопросы, прямо рассматриваемые в правила, если смысл основного положения не разъяснен аналогичным правилом.

Принцип на рассмотрении было применено Европейским судом по правам человека в деле *Soering v United Kingdom* (1989 г.) 11 EHRR 439. Этот суд постановил о толковании статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1953 г.) («ЕСПЧ»), что запрет статьи был основанием для правила о недопуске или использовании информации или доказательств, которые, как установлено, были получены или в отношении которых имелись серьезные основания полагать, что они были получены от ответчика или третьему лицу путем применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Принимая во внимание тот факт, что в статье 3 ЕКПЧ, в отличие от статьи 3 Конвенции ООН против пыток, не указано конкретно, что ни одно государство «не вправе выдавать лицо, если есть серьезные основания полагать, что ему может угрожать пытать», Европейский суд по правам человека в пункте 88 решения по делу *Серинга* выше сказал:

«Тот факт, что в специальном договоре должно быть подробно изложено конкретное обязательство, связанное с запрещением пыток, не означает, что

аналогичное по существу обязательство уже не содержится в общих положениях статьи 3 Европейской конвенции».

ТОбязательство государства через своих представителей не допускать и не использовать в уголовном процессе информацию или доказательства, полученные от обвиняемого или любого третьего лица путем применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, прямо не установлено отдельным положением в Конституция. Разрешение допуска или использования такой информации или доказательств в любом судебном разбирательстве противоречило бы объекту и цели запрета в соответствии со статьей 15 (1) Конституции.

АНадлежащее толкование статьи 15(1) Конституции, учитывающее цель и широту формулировок, лежащих в основе важности защищаемой фундаментальной ценности, заставляет Суд сделать вывод о том, что обязательство государства не допускать и не использовать информацию или доказательства полученных от обвиняемого или любой третьей стороны путем применения пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в ходе любого судебного разбирательства, связано с запретом на такое обращение статьей 15(1) Конституции.

Обязательство присуще общим положениям раздела. Вместе с общим запретом оно обладает теми же качествами абсолютное и не допускающим отступлений. Осуждение более точно классифицируется как конституционный принцип, чем как правило доказывания. Обязательство является исключением из общего правила доказывания, установленного статьей 48(1) Закона о доказательствах по гражданским делам [гл. 8:01]. Это правило означает, что доказательства нарушения основных прав или свобод допустимы в ходе судебного разбирательства, если только их признание не нанесет ущерба репутации отправлению правосудия. *Paradza v Chirwa &*

Ors NNO 2005(2) ZLR 94(S) at 111G-112D; A & Ors против государственного секретаря внутренних дел [2005] UKHL 71, параграф 12.

На различных стадиях всего судебного процесса, посредством которого государство имеет дело с лицами подозреваемых в совершении преступления, находящихся под стражей государственных служащих, Конституция возлагает обязанности по защите основных прав подозреваемого. Основная обязанность сотрудников правоохранительных органов заключается в том, чтобы не злоупотреблять полномочиями исполнительной власти при расследовании преступлений путем пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения с подозреваемыми с целью получения информации или признаний, которые будут использованы против них в ходе судебных разбирательств, которые, как ожидается, последуют за жестоким обращением. . Если обязанность не достигает намеченной цели на данном этапе, закон возлагает на прокуроров обязанность не признавать и не использовать информацию или доказательства, полученные от обвиняемого лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления, или любого третьего лица с применением пыток, бесчеловечных или унижающее достоинство обращение при принятии прокурорских решений. Если обязанность не выполняется на данном этапе, закон возлагает эту обязанность на судебных чиновников. В конце концов, именно Суд должен вмешаться посредством осуществления своей первоначальной юрисдикции для обеспечения или обеспечения соблюдения основных прав.

Основанием для правила исключения является защита любого лица, подозреваемого в совершении преступления, которое находится под стражей государственного должностного лица, отмучительные, бесчеловечные или унижающие его или ее достоинство и физическую неприкосновенность посягательства. Его целью

является обеспечение того, чтобы уголовное преследование, которое является прямым следствием досудебной незаконности, нарушающей основные права обвиняемого на свободу от пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, не использовалось для придания легитимности такому поведению.

Правило не имеет ничего общего со справедливым определением вины или невинности обвиняемого. Если есть независимые доказательства, которые были получены законно и на которых основано обоснованное подозрение обвиняемого в совершении инкриминируемого ему уголовного правонарушения, постановление о бессрочном приостановлении уголовного преследования не является обоснованным. Это правило представляет собой средство, призванное воспрепятствовать игнорированию конституционных запретов и придать смысл конституционно защищенным основным правам. Правило об исключении как средство защиты основных прав в соответствии с Конституцией не предназначено для ограждения обвиняемого лица от уголовного преследования за любое действие, в совершении которого оно обоснованно подозревается и которое может быть доказано в суде независимыми доказательствами, полученными законным путем.

информация или доказательства, полученные от обвиняемого или любой третьей стороны с помощью пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, если они допущены или использованы в ходе судебного разбирательства, низведут статью 15 (1) Конституции до простой формы слов. Как выразился ДЖЕКсон в особом мнении по делу Коремацу против Соединенных Штатов (1944) 323 US 214, 246, «как только судебное одобрение дает такое поведение, оно лежит примерно как заряженное оружие, готовое к руке любой власти, которая может выдвинуть правдоподобное заявление о срочной необходимости». В деле *People* (генеральный

прокурор) против О'Брайена (1965) IR 142 KINGSMILL MOORE J Верховного суда Ирландии заявил, что:

«одобрение использования доказательств, полученных или обнаруженных с помощью грубого насилия над личностью, ... вовлекло бы государство в моральное осквернение».

В *A & Ors* выше в п. 35 ЛОРД БИНГЭМ ИЗ КОРНХИЛЛА цитирует доклад г-на Альваро Хиля-Роблеса, Комиссара Совета Европы по правам человека, о его визите в Соединенное Королевство в ноябре 2004 г. (8 июня 2005 г. Комм. ДН 2005) где он сказал:

«Пытка есть пытка, кто бы ее ни делал, судебное разбирательство есть судебное разбирательство, какова бы ни была его цель — первое никогда не может быть допустимо во втором».

Предоставление в качестве причины для сдерживания *C против Нкомо* 1989(3) ZLR 117(S) о том, что суд был обязан не принимать и не использовать в каком-либо судебном разбирательстве доказательства предметов, указанных как часть признаний, полученных от обвиняемого с помощью пыток. *MCNALLY JA* на стр. 131F сказал:

«Мне не кажется, что можно осуждать пытки, пользуясь молчаливым признанием, полученным в результате этих пыток, потому что результатом является поощрение пыток».

VA & Ors выше в параграфе 39 ЛОРД БИНГЭМ ИЗ КОРНХИЛЛА цитирует из работы «Конвенция Организации Объединенных Наций против пыток» (1988 г.), где Бюргерс и Данелиус предлагают на стр. 148, что:

«...следует напомнить, что пытки зачастую направлены на обеспечение доказательств в судебном процессе. Следовательно, если заявление, сделанное под пыткой, не может быть использовано в качестве доказательства, устраняется важная причина для применения пыток, и поэтому запрет на использование таких заявлений в качестве доказательства в суде может иметь косвенный эффект предотвращения пыток».

Наконец, в *Мтембудело* выше Верховный апелляционный суд Южной Африки постановил, что признание доказательств, полученных с применением пыток, нанесет ущерб честности судебного процесса и нанесет ущерб репутации отправления правосудия. Причина в том, что пытки являются варварскими, незаконными и бесчеловечными и являются одним из самых серьезных нарушений прав человека. Этот суд применил правило исключения в отношении признания или использования информации или доказательств, полученных под пыткой, в ходе судебного разбирательства в качестве исключения из общего правила, содержащегося в статье 35(5) Конституции Южной Африки. Раздел предусматривает, что:

«доказательства, полученные таким образом, который нарушает какое-либо право, закрепленное в Билле о правах, должны быть исключены, если допущение этих доказательств сделало бы это судебное разбирательство несправедливым или иным образом нанесло бы ущерб отправлению правосудия».

Ясно, что обоснование правила исключения в отношении допуска или использования информации или полученных доказательств обвиняемого или любой третьей стороны путем применения пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, как это предусмотрено в статье 15 (1) Конституции, основано на абсолютном обязательстве, возложенном на государство. Оно также основано на отвращении к источнику такой информации или доказательств в сочетании с их оскорбительными для цивилизованных ценностей и унижающими достоинство последствиями для отправления правосудия. Правило применяется, даже когда доказательства надежны и необходимы для осуждения обвиняемого, которому предъявлены серьезные обвинения. Надежность или доказательная ценность информации или доказательств не имеют значения, поскольку их допустимость запрещена в абсолютном и безапелляционном порядке.

Суд принимает второй пункт для определения. Его решение состоит в том, что на заявительнице лежит бремя установления, исходя из баланса вероятностей, что информация или доказательства преступления, использованные прокурором для предъявления ей обвинения в совершении уголовного преступления и привлечения ее к ответственности за него, были получены путем применения пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение со стороны сотрудников органов государственной безопасности до предъявления ей обвинения. Основанием для решения является то, что именно обвиняемый или подсудимый должен поднять вопрос о нарушении основных прав государством. Именно ему или ей будет известно о том, что было сделано с ним или с ней, и какая информация была получена в результате жестокого обращения.

Заявитель снял с нее ответственность. Она установила с помощью устных показаний и показаний под присягой, что при предъявлении ей обвинения в нарушении статьи 24(а) Закона и возбуждении уголовного дела прокурор опирался исключительно на информацию о совершении предполагаемых преступных деяний, полученных от нее и третьего лица путем применения пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения. Между жестоким обращением и уголовным преследованием существовала неразрывная связь. Ответчик не представил Суду никаких доказательств того, что решения прокурора основывались на независимых доказательствах преступления, полученных законным путем. Важно подчеркнуть тот факт, что постановление об исключении доказательств, полученных с помощью пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, имплицитно предполагает, что средство правовой защиты не распространяется на запрет судебного преследования на основании доказательств, полностью незапятнанных неправомерными действиями сотрудников правоохранительных органов. Также важно отметить, что в тех случаях, когда утверждения обвиняемых оспариваются государством,

Последствия нарушения правила исключения

Наконец, Суд принимает третий пункт для определения. Его решение по этому вопросу заключается в том, что вывод о том, что прокурор опирался на информацию или доказательства совершения предполагаемых преступных деяний, полученные от заявительницы с помощью пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, при принятии решения о предъявлении ей обвинения и судебном преследовании за уголовное преступление заключается в том, что имело место нарушение статьи 15(1) и 13(1) Конституции. Нарушение статьи 13(1) Конституции заключается не в применении пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения для получения информации или доказательств преступления от заявителя. Это нарушение статьи 15(1) Конституции.

Нарушение статьи 13(1) Конституции заключается в использовании информации или доказательств, полученных с помощью пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, для целей принятия прокурорских решений. Если бы государственный обвинитель отклонил информацию или доказательства преступления, полученные от заявителя с помощью пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, имело бы место нарушение статьи 15(1) Конституции, но не нарушение статьи 13(1) при условии, что уголовное преследование было подкреплено обоснованным подозрением в совершении ею уголовного преступления, в котором она обвинялась. Причина в том, что уголовное преследование было бы производством по доказыванию вне всяких разумных сомнений вины обвиняемого лица в совершении преступления, в котором его обвиняют, на основании не большего или меньшего

количества доказательств преступных деяний, чем имелось в наличии. время их совершения.

уголовное преследование было прямым следствием нарушения статьи 15 (1) Конституции. Абсолютное и не допускающее отступлений основное право заявителя не иметь информации или доказательств преступления, полученных от нее или любой третьей стороны с помощью пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, которые использовались или на которые полагался государственный обвинитель при вынесении прокурорских решений о предъявлении обвинения ей в совершении уголовного правонарушения и возбуждении уголовного дела было отказано. Также имело место нарушение основного права заявителя на защиту закона, гарантированного статьей 18(1) Конституции. Действуя таким образом, прокурор не действовал в соответствии с требованиями защиты основных прав, предусмотренными статьями 15(1) и 13(1) Конституции.

Из фактов следует, что в то время сотрудники госбезопасности похитили заявителя из дома, а затем задержали ее в тайном месте, у них не было обоснованных подозрений в совершении ею уголовного преступления, в котором она впоследствии была обвинена. Затем они применили пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение во время допроса, чтобы получить от нее информацию или доказательства, на основании которых они ожидали, что государственный обвинитель будет действовать в качестве основания для разумного подозрения в совершении ею уголовного преступления, в котором ей тогда было предъявлено обвинение. Следствием действия правила об исключении является то, что все действия сотрудников органов государственной безопасности при похищении и задержании заявительницы и применении к ней пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения были

нарушением основных прав, гарантированных ей статьей 13(1), 15(1) и 18(1) Конституции. Это также показывает, что уголовное преследование было прямым следствием нарушения статьи 15(1) Конституции, тем самым привлекая государство к ответственности за нарушение статей 13(1) и 18(1) Конституции. Поскольку заявительница предлагала не преследовать ее в судебном порядке, поскольку ее присутствие в суде последовало за ее незаконным арестом или похищением и жестоким обращением со стороны сотрудников органов государственной безопасности, она не могла требовать иммунитета от судебного преследования только на этих основаниях, поскольку ее тело не является объектом подавления. ПЛОД и незаконность ее задержания и обращения с ней не могли лишить Правительство возможности привлечь ее к ответственности и доказать ее вину на основе независимых доказательств, полностью незапятнанных неправомерными действиями сотрудников правоохранительных органов. США против экипажей 445 США 463 (1980) стр. 474,

РАСХОДЫ

Суд принимает вопрос о расходах для определения. Его решение по этому пункту состоит в том, что не должно быть никакого порядка в отношении расходов. Причины решения таковы.

Раздел 24(4) Конституции предоставляет Суду широкую свободу действий в выборе практического и эффективного средства правовой защиты, которое может надлежащим образом компенсировать нарушение основных прав или свобод человека. Постановление о постоянном приостановлении уголовного преследования было сочтено Судом надлежащим средством правовой защиты от нарушения основных прав заявителя. В противном случае нарушение продолжалось бы. *In re Mlambo* 1991(2) ZLR 339(S) на 355B-E. При выборе подходящего средства правовой защиты в

соответствии с Конституцией первостепенной задачей Суда должно быть применение мер, которые наилучшим образом подтвердят ценности, выраженные в Конституции, и предоставление средства правовой защиты тем, чьи права были нарушены, которое наилучшим образом достигает этой цели. Это вытекает из роли Суда как защитника прав и свобод, закрепленных в качестве части высшего закона страны. Осборн против Канады (1991) 82D.LR (4-й) 321 в 346e-f.

Расходы на усмотрение суда. Допустимо в случаях такого рода для того, чтобы понесенные расходы следовали за событием. Булл против Генерального прокурора Зимбабве 1987(1) ZLR 35(S). Тем не менее был поднят конституционный вопрос, в отношении которого ответ не был самоочевидным. Вопрос о том, налагает ли статья 15(1) Конституции абсолютное и не допускающее отступлений обязательство на государство через его представителей не допускать и не использовать информацию или доказательства преступления, полученные от обвиняемого или подсудимого путем причинения ему или пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения с ней или какой-либо третьей стороной Суд ранее не поднимал и исчерпывающе не определял.

У Суда появилась возможность уточнить закон об основном праве лица, обвиняемого в совершении преступления, не иметь информации или доказательств, полученных от него или нее путем применения пыток, или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, допущенное или использованное против него или нее в ходе любого судебного разбирательства. Юридический вопрос необходимо было разъяснить не только в интересах обвиняемых при сходных обстоятельствах. Это было разъяснено в интересах прокуроров и судебных приставов. Таким образом, победителем является не заявитель, а отправление правосудия. Ответчик не оспаривал правильность

фактологической базы конституционного вопроса. Он справедливо считал, что решение правового вопроса отвечает общественным интересам. Суд считает, что ответчик не должен быть оштрафован в порядке возмещения расходов. По затратам порядка не будет.

ЧИДЯУСИКУ СЈ: Я согласен

САНДУРА ДЖА: Я согласен

ЗИЯМБИ ДЖА: Я согласен

ГАРВЕ ДЖА: Я согласен

Мтетва и Ньямбираи, практикующие юристы заявителя

Гражданский отдел Генеральной прокуратуры, практикующие юристы ответчика